

УДК 351.746.1:070](476)«1923/1990»(09)

*Александр ГУЖАЛОВСКИЙ**

Главлит БССР в системе тотального политического контроля (1923–1990 гг.)

С привлечением широкого круга архивных источников, периодических изданий, а также работ современных исследователей исследуется функционирование цензурной системы в советской Белоруссии. Показана деятельность Главлита БССР в структуре других государственных институтов по политическому контролю белорусского общества – ЦК КПБ, ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ, Главреперткома. Все вместе они образовывали тотальную цензурную систему, под контролем которой находились издательства, СМИ, театральное и киноискусство, архивы, библиотеки, а также музеи.

Ключевые слова: Главлитбел, Главлит БССР, обллит, Главрепертком, ЦК КПБ, Совет Министров, политический контроль.

Прошлое цензуры в БССР было одной из наиболее табуированных тем белорусской советской историографии. Поэтому первые работы по её истории вышли из-под пера исследователей, которые находились в эмиграции¹. Белорусские историки, проживавшие на исторической Родине, обратились к этой теме уже после обретения страной независимости первоначально в виде отдельных статей², а затем и специальных монографичес-

* *Гужаловський Олександр Олександрович* – доктор історичних наук, історичний факультет Білоруського державного університету, huzhalouski@gmail.com

¹ *Адамовіч А.* Якуб Колас у супраціве саветызацыі. – Мюнхен: Ін-т для вывучэння гісторыі і культуры СССР, 1955. – 62 с.

² *Герасімаў В.М.* Гісторыя цензуры друку на Беларусі: стагоддзе за стагоддзе // Матэрыялы першых кнігазнаўчых чытанняў (Мінск, 15 вер. 1998 г.). – Мінск: Нац. біб-ка Беларусі, 2000. – С. 23–34; *Матох В.* БССР у 1920-я гг.: усталяванне татальнай цензуры і ідэалагічнага кантролю // *Агсхе*. – 2009. – № 1/2. – С. 249–273; *Осинская С.А.* Цензура на страже советской власти в Беларуси // 90 лет истории белорусской государственности: Тезисы док. науч.-теорет. конф., Минск, 23 дек. 2008 г. – Минск: МГЭИ, 2009. – С. 108–116; *Пурышева Н.М.* Становление и деятельность органов литературной цензуры в БССР в 1920-х гг. // Куляшоўскія чытанні: Матэр. Міжнар. навук.-практ. канф., 26–27 крас. 2007 г. – Ма-

ких исследований³. Однако обобщающего труда, посвящённого истории цензуры в советской Белоруссии за весь период существования республики, пока нет.

Ещё до образования БССР, 25 октября 1917 г. своим приказом № 1 Минский совет рабочих и крестьянских депутатов ввёл цензуру всех газет, издававшихся в городе и приходивших по почте, с целью «предотвращения распространения слухов, которые волнуют население»⁴. Конечно, в качестве опасности воюющие стороны в ходе гражданской войны расценивали не столько вредные слухи, сколько идеологию противника, излагавшуюся в прессе, листовках, книгах.

С момента образования БССР в 1919 г. и до 1922 г. за политический контроль печати, а также зрелищных мероприятий на её территории отвечало Управление военной цензуры полевого штаба Реввоенсовета республики, а также местные отделы Всероссийской чрезвычайной комиссии. Контроль над распространением печатной и зрелищной продукции в БССР реализовывали также органы, созданные в рамках народного комиссариата просвещения – Главполитпросвет и политический отдел Государственного издательства Белоруссии. Цензура в то время в БССР была децентрализована. Она не регулировалась никакими государственными юридическими актами. В таких условиях авторам и издателям можно было находить межведомственные «проходы» и публиковать нежелательную для власти литературу⁵.

гілёў, 2007. – С. 222–224; *Ракашевич В.К.* Главлит БССР (1923–1991) // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Мінск: БелНДІДАС, 2000. – Вып. 1. – С. 178–189; *Сумко Е.* Источники по истории советской цензуры в БССР 1920–1930-х гг. в архивах Беларуси // *Архівы і справаводства*. – 2004. – № 4. – С. 99–102.

³ *Гужалоўскі А.А.* Чырвоны аловак: Нарысы па гісторыі цензуры ў БССР: 1919–1941 гг. – Мінск: Рэд-я газ. «Звязда», 2012. – 303 с.; *Смиловицкий Л.Л.* Цензура в БССР, послевоенные годы: 1944–1956. – Иерусалим: Tsur-Ot Press, 2015. – 360 с.

⁴ Великая Октябрьская Социалистическая революция в Белоруссии: Док. и матер. – Минск: Госиздат БССР, 1957. – Т. 2. – С. 31.

⁵ Звезда. – 1920, 23 сент. – № 40. – С. 3.

С началом в 1921 г. новой экономической политики ситуация с контролем за печатным словом обострилась. Возникновение большого количества кооперативных и частных издательств, а также книжных магазинов создавало опасность появления «вредной» печатной продукции, нёсшей либеральную идеологию. Важнейшим инструментом ЦК КП(б)Б по осуществлению политической цензуры в 1920–1930-е гг. стало Главное управление по делам литературы и издательств БССР (Главлитбел). Созданное по московскому образцу постановлением СНК республики от 5 января 1923 г., оно формально было подчинено наркомпросу БССР и начало работу в Минске фактически уже осенью 1922 г. под руководством Р. К. Шукевича-Третьякова⁶. На Главлитбел и его местные органы возлагались такие задачи:

- предварительный просмотр всех предназначенных для печати или распространения литературных произведений – как рукописных, так и печатных, а также снимков, рисунков, карт;
- выдача разрешений на право издания отдельных произведений;
- составление списков произведений печати, запрещённых к продаже и распространению;

⁶ *Родион Константинович Шукевич-Третьяков* (1893–1942) родился в д. - Новины Минского уезда, государственный и политический деятель, журналист. С 1918 г. находился на советской работе, в 1919–1921 гг. в Красной армии – боец, политработник, редактор газеты. С 1922 г. работал в Главполитпросвете, Главлите (1922–1924), являлся секретарём Минского уездного комитета КП(б)Б. С 1924 г. – редактор газеты «Белорусская деревня». В 1931–1932 гг. – председатель Всебелорусского комитета радиовещания, в 1932–1936 гг. работал научным сотрудником Института философии, заведующим массовым сектором Белорусской академии наук. После исключения из партии в 1935 г. – методист шахматного клуба Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК БССР. 18 августа 1938 г. арестован, 9 февраля 1940 г. приговорён к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в заключении в Северо-Восточном лагере. Реабилитирован в 1956 г.

— издание правил, распоряжений и инструкций по делам печати, обязательных для всех органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов.

Главлитбел запрещал издание и распространение произведений, содержащих агитацию против советской власти, разглашавших военную тайну, возбуждавших националистический и религиозный фанатизм, либо имевших порнографический характер. От политической цензуры освобождалась партийная коммунистическая печать. Борьба с распространением произведений, не разрешенных цензурой, поручалась ГПУ. Этими объектами ограничивалась деятельность Главлитбела в течение первых лет его существования⁷.

Отдельный пункт постановления СНК БССР «О Главлитбеле» предусматривал создание Главной репертуарной комиссии (Главреперткома) при народном комиссариате просвещения с целью контроля за театральными и зрелищными мероприятиями. Первоначально во главе Главреперткома стоял председатель и общественная коллегия, куда входили представители партийно-советского аппарата, политконтроля ГПУ и военного ведомства. По мере необходимости к работе привлекались представители литературы, театра и кино. На каждый театр, кинематограф, цирк, клуб в Главреперткоме заводилась учётная карточка. Все организаторы зрелищных мероприятий были обязаны за семь дней до премьеры обратиться за разрешением и в случае положительного ответа обеспечить бесплатные места в зале для т. н. «репертуарных троек», которые состояли из представителей партийных органов, исполнительных органов власти и милиции⁸.

Формально Главлитбел подчинялся народному комиссариату просвещения БССР, но на самом деле выполнял инструкции, приказы и был подотчётен Главлиту РСФСР (с которым формально занимал равное по статусу положение), а также находился под политическим контролем ЦК КП(б)Б (что бюро

⁷ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ), ф. 42, оп. 1, д. 134, л. 1.

⁸ НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1578, л. 8.

ЦК официально засвидетельствовало своим постановлением от 17 декабря 1926 г.)⁹. Из Москвы в Главлитбел регулярно приходили циркуляры, в которых перечислялись запрещённые для публикации сведения: о военном бюджете, работе Госплана, Алмазном фонде, повышении цен, иностранных концессиях, Соловецком концлагере ОГПУ и др. С 1922 по 1927 гг. Главлитбел работал на основе финансовой самоокупаемости. Выдача разрешений и просмотр рукописей были платными – за эти «услуги» издательства, учреждения и частные лица вносили оплату в размере 1 руб. за просмотр 1 печатного листа, а также гербовый сбор. В то время деятельность цензурного ведомства носила относительно либеральный характер. Задачей цензоров, не менее важной, чем запреты и изъятия, считалась разъяснительная работа, поиск компромисса с авторами. Этому способствовал кадровый состав белорусского цензурного ведомства. Например, с 1924 по 1927 гг. его возглавлял левый эсер П. Л. Орешников.

Отказ от идеи нэпа и переход к «большому скачку» в виде индустриализации и коллективизации привёл к росту оппозиционных И. В. Сталину настроений как в руководящем составе партии, так и в непартийных структурах. Вождь боролся с либеральной идеологией двумя способами: репрессиями и установлением тотального партийного контроля над всеми формами информационного обеспечения общества.

Усиление контроля над идеологической сферой жизни в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. обусловило увеличение объёма работы, которую выполняло цензурное ведомство, а также изменения в его структуре и деятельности. Надежды на то, что журналисты, учёные и культурные деятели старой формации, из которых преимущественно состояла первая коллегия Главлитбела, будут эффективно выполнять цензурские обязанности, не оправдались.

Начиная с этого времени, десятки директив и распоряжений требовали от цензуры усилить «бдительность», дисциплину и

⁹ Перед крутым поворотом: тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): Отражение времени в архивных документах / Под ред. Р. П. Платонова. – Минск: БелНИИДАД, 2001. – С. 178.

качество работы. 5 октября 1930 г. СНК РСФСР принял постановление «О реорганизации Главлита», которое было продублировано Совнаркомом других республик. В этом документе официально закреплялись новые по сравнению с 1922 г. полномочия цензурного ведомства. На Главлит возлагалось «общее руководство всеми видами контроля политико-идеологического, военного и экономического», что пересекалось с прерогативами культпропотдела ЦК. Контроль его распространялся не только на рукописи и напечатанные произведения, картины, фотографии и т. д., но и на радиовещание, лекции, выставки. При государственных и общественных издательствах, радиовещательных организациях, телеграфных агентствах, почтамтах и таможах вводились должности уполномоченных Главлита, которые осуществляли предварительный контроль и содержались за их счёт. Таким образом, к 1930 г. Главлит значительно расширил свои функции, зафиксированные в постановлении СНК БССР 1923 г. Основным звеном предварительного контроля над печатной продукцией стал институт уполномоченных, которые назначались Главлитом по согласованию с ЦК.

15 августа 1931 г. секретариат ЦК КП(б)Б принял постановление «Об усилении работы Главлита по политконтролю за выпускаемой периодической и непериодической печатью». Этот документ дублировал соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и был посвящён преимущественно регламентации процедуры предварительного цензурного контроля. Теперь предварительный контроль официальных правительственных документов, а также материалов, которые касались обороны, международных отношений, экспорта и импорта, транспорта, связи осуществлялся центральным аппаратом Главлитбела, его уполномоченными, либо политредакторами при издательствах и типографиях, райуполномоченными в тех районах, где имелись типографии. Вышеперечисленные материалы принимались к печати при условии наличия двух виз – наркома либо руководителя ведомства и Главлита. За нарушение этих правил вводилась партийная и уголовная ответственность. Этим же постановлением главы республиканских ведомств обязывались ежемесячно отправлять в Главлитбел

перечни сведений, которые являлись государственной тайной. На их основе цензоры ежеквартально обновляли списки сведений, запрещённых к печати¹⁰.

Главлит в течение 1930-х гг. осуществлял трёхуровневую цензуру – предварительную, последующую и конфискационную. Первая сводилась к прочтению рукописи и внесению в неё изменений, фиксируемых в паспорте, который заводился на каждое произведение. Один исправленный машинописный экземпляр произведения оставался в делопроизводстве Главлитбела, другой – возвращался редакционному редактору и после согласования с автором снова передавался в Главлитбел, откуда, получив разрешительную визу, направлялся в типографию. Таким образом, возможности личных контактов между цензором и автором в 1930-е гг. были полностью исключены. Цензоры превратились в мифические законспирированные фигуры, на которые можно было устно сослаться, но которых никто из авторов не видел. Местные «литы» регулярно отсылали в Минск сводки найденных и исправленных ошибок и искажений, а Главлит БССР направлял их в обобщённом виде в Главлит РСФСР и республиканскому партийному руководству.

В директивных документах Главлита многократно отмечалась важность предварительной проверки информации, предназначенной для широкого распространения. Однако контролю материалов на последующем уровне уделялось особое внимание. Для его проведения привлекались наиболее опытные и образованные сотрудники. Цена ошибки цензоров, которые осуществляли последующую цензуру, была слишком высокой. С морально-политической точки зрения она означала публичное пятно на мундире ведомства, а с экономической – расходы, связанные с задержкой и конфискацией тиража. Стремлением избежать подобной роковой ошибки объясняется категорический запрет главлитовского начальства осуществлять одним лицом предварительную и последующую цензуру. А с 1935 г. последующий контроль осуществлялся уже не по сигнальным экземплярам готовых тиражей книг, журналов и др., а по под-

¹⁰ НАРБ, ф. 4 п, оп. 1, д. 5126, л. 243–244.

писанным редактором и цензором листам вёрстки. Несмотря на все эти меры предосторожности, в условиях политических репрессий второй половины 1930-х гг. и появления всё новых «врагов народа», конфискации тиражей продолжались.

В 1928 г. Главрепертком БССР был переподчинён другой структуре наркомпроса – Главискусству, что по мысли идеологического руководства должно было приблизить цензоров к процессу создания культурных ценностей. Представители творческих организаций по-прежнему входили в совет при Главреперткоме, однако мало влияли на решения о разрешении либо запрещении художественного произведения.

Постепенно цензура становилась всеобъемлющей, тотальной составной частью сознания всего советского общества – от полуграмотного колхозника до партократа высокого уровня. Одним из ярких проявлений цензурного мышления было появление добровольных цензоров, которые сигнализировали «наверх» о «политических ошибках», «проскальзывавших», по их мнению, на страницы печатной продукции и в радиопередачи.

В ноябре 1933 г., после создания института уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати, ведомство получило название Управление уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита. В республике Главлитбел был переименован в Главлит и отдел военной цензуры (ОВЦ) БССР при уполномоченном СНК СССР. Главлит запрещал распространять сведения военно-технического характера и раньше. Первый всесоюзный перечень военных сведений, запрещённых к печати, был принят им в 1924 г. Он запрещал публиковать не только сведения о названиях и объёме производства, численности рабочих, административно-технического персонала, транспортных коммуникациях и географических объектах, но и те, из которых можно было извлечь вышеупомянутую информацию путём логических размышлений, сопоставлений или подсчётов. Тогда же ЦК ВКП(б) принял решение о выведении Главлитов РСФСР и союзных республик из состава народных комиссариатов просвещения и о подчинении их непосредственно СНК СССР. Эти структурные преобразования отражали две тенденции тогдашнего общественно-поли-

тического развития страны – её военизацию и централизацию усилий по установлению единомыслия.

27 июня 1934 г. СНК БССР утвердил положение «О секторе контроля за зрелищами и репертуаром при Наркомпросе БССР», в соответствии с которым Главрепертком (теперь официально – сектор контроля за зрелищами и репертуаром) осуществлял предварительный и последующий контроль за всем театральным, музыкальным и кинорепертуаром на территории Белоруссии. В 1936 г. сектор контроля за зрелищами и репертуаром как структурное подразделение Главискусства повысил свой статус, когда последнее было преобразовано в Управление по делам искусства, подчинённое непосредственно СНК БССР.

С 1 июня 1935 г. по указанию наркома обороны в армии и на флоте было введено новое положение «Об организации военной цензуры в Рабоче-крестьянской Красной армии». Таким образом, была воссоздана центральная военная цензура (8-й отдел регистрационного управления РККА) в рамках вооружённых сил, которая раньше находилась в составе органов госбезопасности. Политконтроль ОГПУ по-прежнему наблюдал за работой типографий, книжных магазинов, театров, кинотеатров, просматривал иностранную и вывозимую за границу полиграфическую и кинопродукцию, а также проверял корреспонденцию иностранцев, почтовые отправления до востребования, переписку конкретных лиц по оперативным спискам.

В 1935 г. после реорганизации работы Радиокомитета БССР при нём была создана самостоятельная цензорская группа с уполномоченным Главлита и ОВЦ БССР для осуществления предварительного контроля над радиовещанием. Центральному аппарату Главлита и ОВЦ БССР была поручена последующая цензура центральных радиопередач и руководство контроля низового местного радиовещания. Отдельный уполномоченный Главлита и ОВЦ БССР появился также в Коммунистическом институте журналистики. К 1936 г. относятся первые сведения об организации политического контроля за музейными экспозициями и выставками, что в послевоенное время станет неотъемлемой частью работы Главлита.

9 августа 1938 г. Главлит РСФСР разослал по Главлитам союзных республик циркуляр № 1036, который предлагал им подготовить переход цензуры с мирного времени на военное, что предусматривало закрытие одних периодических изданий и увеличение тиража других. Этот мобилизационный план был подготовлен по согласованию с отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б¹¹.

Соответственно новому статусу цензурного ведомства, к его руководству пришли партийные функционеры (З. А. Давидович, 1934–1936 гг.), а также военные (И. Л. Ахрамович, 1936–1938 гг., П. Я. Фролов, 1939–1941 гг.). Отбор сотрудников для работы в Главлите после «великого перелома» можно сравнить только с аналогичным отбором в органы госбезопасности. В 1930-е гг. в цензуре работали лица, имевшие «пролетарско-крестьянское происхождение» (преимущественно бывшие крестьяне, прошедшие «обкатку» в городской среде) и неоконченное или полное среднее образование. Кандидатуры начальников Главлитбела (как и наиболее важные вопросы работы ведомства) обсуждались на заседаниях бюро ЦК КП(б)Б. В идеале все цензоры должны были быть членами партии, по крайней мере кандидатами в члены, молодые – комсомольцами.

Во время исполнения служебных обязанностей они должны были руководствоваться не только перечнями сведений, не подлежащих публикации, и «классовой бдительностью», но также отслеживать материалы «Правды» и других партийных изданий. Не подходили лица с партвзысканиями, находившиеся под следствием или имевшие родственников за границей. Руководство Главлитбела добилось освобождения цензоров от обязательной военной службы и некоторых других привилегий. Сотрудники центрального аппарата Главлитбела, входившие в номенклатуру ЦК, а с 1937 г. цензоры всех уровней, включались в номенклатуру партийных органов соответствующего уровня.

2 ноября 1937 г. заведующий отделом печати ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлис направил в ЦК ВКП(б) и СНК СССР записку о поли-

¹¹ НАРБ, ф. 4 п, оп. 1, д. 14763, л. 1.

тическом положении в Управлении уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита, которая спровоцировала крупные кадровые чистки и репрессии в ведомстве. Это было время, когда Главлит понёс самые большие кадровые потери. И. Л. Ахрамович ещё летом 1937 г. докладывал заведующему отделом печати ЦК КП(б)Б М. В. Казюку, что «в текущий момент аппарат Главлита БССР состоит из 2-х человек»¹². Вскоре в письме к первому секретарю ЦК КП(б)Б В. Ф. Шаранговичу он уже констатировал:

«Главлит и ОВЦ БССР не в состоянии выполнять и не выполняет по-настоящему свои функции в связи с тем, что линия Уборевича–Голодеда и Дьякова была направлена на ликвидацию органов цензуры в БССР. В значительной степени они этого достигли»¹³.

В 1938–1940 гг. корпус республиканских цензоров обновился почти полностью. Сохранившиеся архивные материалы позволяют составить общее представление о кадровом составе «министерства правды» накануне войны. Помимо центрального аппарата в Минске, который состоял из 42 человек, в областях БССР в 1940 г. действовало 117 штатных цензоров¹⁴.

В июле 1941 г. цензурное ведомство советской Белоруссии временно прекратило свою деятельность. Однако уже в июне 1943 г. решением ЦК КП(б)Б работа Главлита БССР была возобновлена в Москве, а в начале 1944 г. цензурное ведомство, возглавляемое Ф. И. Дадиомовой, переехало в г. Новобелица Гомельской области. В июле того же года оно вернулось в Минск. Первоначально внутренних отделов в Главлите БССР не было, как и не было разграничения между предварительной и последующей цензурой. В 1947 г. был вновь организован отдел предварительной цензуры, к компетенции которого отошла вся печатная продукция, издаваемая в республике, а также белорусское радио и БелТА. Немного позднее создали отдел

¹² НАРБ, ф. 4 п, оп. 1, д. 12149, л. 58.

¹³ НАРБ, ф. 4 п, оп. 1, д. 12149, л. 120.

¹⁴ НАРБ, ф. 4 п, оп. 1, оп. 1; д. 13867, л. 31–36.

последующей цензуры, а также отдел контроля над библиотеками и музеями.

В 1944–1945 гг. была также возобновлена работа обллитов, перед которыми, как структурными единицами Главлита БССР, стояла задача проверки материалов, подготовленных к печати, экспозиций музеев, выставок, книжных фондов библиотек, а также книжных магазинов в границах своих областей. Обллиты регулярно получали из Минска перечни сведений, которые составляли государственную тайну. Были секретные сведения местного значения. Обллиты также держали под контролем всю издательскую деятельность в областях путём регистрации полиграфической и множительной техники (даже печатных машинок) в государственных учреждениях и у частных лиц¹⁵.

После преобразования в 1946 г. Совета Народных Комиссаров в Совет Министров БССР, цензурное ведомство повысило собственный статус и до марта 1953 г. подчинялось непосредственно последнему. До 1953 г., когда общесоюзного органа цензуры не было, общую координацию деятельности Главлитов союзных республик по-прежнему осуществлял уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати, который одновременно возглавлял Главлит РСФСР.

Бдительность республиканских цензоров должен был усилить ряд общесоюзных законодательных актов. 9 июня 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об ответственности за разглашение государственных тайн и за утрату документов, которые содержат государственную тайну», который предусматривал сроки наказания от пяти до двадцати лет. Тогда же Совет Министров СССР дополнил его постановлением «Об установлении перечня сведений, которые содержат государственную тайну, разглашение которых карается по закону»¹⁶. Эти документы принимались в разгар начатых И. В. Сталиным антизападных идеологических кампаний, одной из составляющих которых был антисемитизм. В 1951 г. в результате

¹⁵ НАРБ, ф. 4 п, оп. 1, оп. 81; д. 2358, л. 98.

¹⁶ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР: 1917–1991. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 295.

выявленных партийной проверкой «серьезных недостатков» в цензурном ведомстве, обвинённая в протекционизме лицам еврейской национальности¹⁷, была снята с должности начальника Главлита БССР Ф. И. Дадиомова¹⁸. Её сменил журналист-фронтовик с опытом партийной аппаратной работы Л. В. Садовский, который начал укрепление руководства и кадровое пополнение органов цензуры преимущественно за счёт членов партии славянского происхождения и по рекомендациям партийных и комсомольских органов.

Во второй половине 1940-х гг. за идеологическим качеством воплощения сценического репертуара, предварительно утверждённого партийным руководством республики, следил Репертком, воссозданный при Комитете по делам искусств при Совете Министров БССР. Начальник Реперткома собственноручно утверждал программы концертов, клавиры к спектаклям, либретто опер, накладывал резолюцию: «Разрешается исполнение на территории БССР сроком до...»¹⁹. Однако уже 7 сентября 1951 г. приказом Главлита СССР в его структуре создавался новый отдел контроля за художественными произведениями, в обязанности которого входило предварительное и последующее цензурирование всех видов искусства. Репертком прекратил свое существование. Но Комитет по делам искусств, которому он подчинялся, сохранял за собой контрольные функции, которые теперь осуществлялись репертуарно-редакционными коллегиями, а их председатели представляли предварительно одобренный материал на контроль в Главлит.

6 марта 1953 г. ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР на совместном заседании одобрили мероприятия по реорганизации партийного и государственного управления. Преобладавшая тенденция на укрупнение при-

¹⁷ Из 95 человек, которые работали в то время в системе Главлита БССР, белорусов было 42, евреев – 29, русских – 19, представителей других национальностей – 5, что пропорционально соответствовало национальному составу населения послевоенных белорусских городов.

¹⁸ НАРБ, ф. 4 п, оп. 47, д. 289, л. 37–48.

¹⁹ НАРБ, ф. 799, оп. 1, д. 19, л. 1.

вела к объединению министерств государственной безопасности и внутренних дел СССР в единую структуру – МВД СССР, руководителем которого был назначен Л. П. Берия. 15 марта 1953 г. в состав МВД передали Управление уполномоченного Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати вместе с республиканскими Главлитами. Оно стало Главным управлением № 11.

После июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, на котором было принято решение об усилении партийного контроля над работой госаппарата, в силовых структурах начались новые организационные изменения. 8 октября того же года цензурное ведомство снова обрело самостоятельный статус и было подчинено непосредственно Совету Министров СССР. В это время советская цензура окончательно организационно сформировалась как централизованное союзно-республиканское ведомство. В союзных и автономных республиках имелись Главлиты при Советах Министров. С 4 ноября 1953 г. его структурной частью стало Государственное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров БССР. Но подчинение Главлита Совету Министров имело формальный характер и ограничивалось преимущественно финансовыми вопросами. Фактически управлял Главлитом отдел пропаганды ЦК КПБ.

Процесс десталинизации, который начался в СССР после XX съезда КПСС, способствовал либерализации социально-политической и культурной жизни в стране. Заметно смягчилась цензура, впервые со времён нэпа ставшая позволять, пускай и весьма ограниченное, но критическое освещение действительности. 24 февраля 1958 г. Совет Министров СССР утвердил новое «Положение о Главлите», где, в частности, говорилось про совместное (Главлитом и заинтересованными министерствами, ведомствами, организациями) решение судьбы материалов, вызывавших подозрение у цензоров. В то же время в положении закреплялась уже сложившаяся система предварительного и последующего контроля. Обозначались сферы деятельности цензуры, куда, кроме уже привычных для неё печатной, изобразительной и фотографической продукции, ТАСС, радио,

зрелищ, вошло и телевидение. По-прежнему Главлит отвечал за содержание библиотечных и музейных фондов, экспозиций. Отдельный пункт положения был посвящён контролю за содержанием корреспонденции, отправлявшейся за пределы СССР и приходившей из-за границы, в том числе частного характера. 13 сентября 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах сохранения государственной тайны». В следующем году постановлением Совета Министров СССР был утверждён «Перечень сведений, составляющих государственную тайну»²⁰.

Общесоюзные партийные и правительственные документы были продублированы в БССР. 12 декабря 1959 г. ЦК КПБ принял постановление «О фактах разглашения государственных тайн в печати», где констатировалось, что в «некоторых» организациях и учреждениях республики нарушается режим секретности, закрытые сведения просачиваются в печать. К наиболее злостным нарушителям режима секретности относились редакции газет «Советская Белоруссия», «Звезда», «Минская правда», «Красная смена», «Знамя юности», а также Госкомитет по радио и телевидению и БелТА²¹. То, как в БССР хранилась государственная и военная тайна, проверяла комиссия, которая прибыла в 1960 г. из Москвы во главе с начальником Главлита СССР П. К. Романовым. По результатам проверки 23 июля того же года вышло постановление ЦК КПБ «Об упорядочении издательской деятельности в республике», лишившее учреждения и организации права издания мелкотиражной продукции, кроме выходившей с грифом «Для служебного использования» (в 1966 г. это право им было возвращено)²². 29 сентября 1962 г. бюро ЦК КПБ приняло новое постановление – «О нарушении правил выпуска открытых произведений печати», где говорилось про обнаруженные Главлитом БССР грубейшие нарушения режима секретности на полиграфических предприятиях и в изданиях²³.

²⁰ НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 72, л. 24–30.

²¹ НАРБ, ф. 4 п, оп. 81, д. 1454, л. 55.

²² НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 89, л. 2.

²³ НАРБ, ф. 4 п, оп. 81, д. 1693, л. 18.

Появление в печати «нежелательных сведений» во второй половине 1950-х гг. вызвало не в последнюю очередь сокращение штатов в цензурном ведомстве. В 1955 г. была упрощена структура центрального аппарата Главлита БССР. Вместо трёх отделов в нём осталось два – предварительного контроля и последующего контроля, к которому присоединили упразднённый отдел контроля за библиотеками и музеями. В 1959 г. начальник Главлита на непродолжительный период лишился одного заместителя и служебного автомобиля. Цензоры Главлита исчезли из редакций республиканских газет, которые ранее должны были их содержать за собственный счёт. В 1955 г. решением ЦК ликвидировали должность районного уполномоченного Главлита и цензоров-совместителей. Контроль за хранением военной и государственной тайны в районных и многотиражных газетах возлагался на их редакторов.

Изменения в политическом климате и некоторые ограничения в деятельности цензурного ведомства повлекли за собой его статусные трансформации. 10 августа 1963 г. был создан союзно-республиканский Государственный комитет Совета Министров СССР по печати, в состав которого включили Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 21 сентября 1963 г. учреждён республиканский Комитет по печати, в состав которого также вошло Государственное управление по охране военных и государственных тайн в печати. Подчинение Главлита Госкомпечати и выведение из-под его непосредственного управления обллитов означало понижение статуса, что было вызвано сменой политических ориентиров и соотношений в вертикали власти во время хрущёвской «оттепели». На непродолжительное время Главлит потерял ведущие позиции и силу. Уменьшился его авторитет, ухудшилось материальное положение. Согласно инструкциям того периода, Главлит должен был главным образом обеспечивать охрану государственных и военных тайн. Идеологические требования к содержанию информации в них не были явно обозначены.

Руководство Главлита СССР не могло согласиться с подобной ситуацией. Вскоре в адрес высших партийных органов по-

шли письма руководителей республиканских и областных управлений цензуры, в которых отмечались факты небрежного отношения Госкомпечати к цензурным обязанностям. В условиях «обострения идеологической борьбы» подобная ситуация была недопустимой. Административные амбиции Главлита совпали со сменой руководства страны и соответственно – политического курса в октябре 1964 г. В связи с необходимостью усиления идеологического контроля общественной жизни, 18 августа 1966 г. Главлит вернули в подчинение непосредственно Совету Министров СССР. В БССР подобное переподчинение состоялось 21 ноября 1966 г. Это был один из первых шагов к эпохе «застоя». В статусе союзно-республиканского министерства белорусское цензурное ведомство, в названии которого в 1966 г. исчезло слово «военных» [тайн], просуществовало до 1991 г.

К концу 1966 г. штатное расписание цензурного ведомства, которое возглавил А. А. Маркевич, до этого редактировавший главную республиканскую молодёжную газету «Красная смена», приобрело оптимальный с точки зрения партийного руководства вид. В центральном аппарате Главлита в Минске работали 28 человек – начальник, его заместитель, начальник отдела, 5 старших цензоров, 16 цензоров, начальник спецчасти, секретарь, главбух, уборщица-курьер. Ещё 30 человек трудились в пяти обллитах (в Минской области обллита не было) – по 6 штатных единиц в каждой области (начальник, старший цензор, два цензора, уполномоченный управления, уборщица-курьер). Всего – 58 человек²⁴. В следующее «застойное», наиболее спокойное для белорусской советской цензуры двадцатилетие, она не испытала серьёзных кадровых реорганизаций. Стабилизировались также идеологические и организационно-технические требования к цензорской работе. Верность старым идеологическим традициям засвидетельствовало празднование 50-летия создания в СССР органов цензуры, которое состоялось 6 июня 1972 г. На торжественном собрании в Минске цензоров, переименованных к тому времени в редакторов, на-

²⁴ НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 80, л. 2.

граждали почётными грамотами, передовикам социалистического соревнования давали денежные премии, а заместитель начальника Главлита БССР Н. К. Захарова стала заслуженным работником культуры БССР²⁵.

Вскоре после возвращения Главлита БССР в подчинение непосредственно Совету Министров республики, 28 декабря 1966 г. последний утвердил новое «Положение о Главлите БССР». Согласно документу, в Главлите была возрождена коллегия, которая действовала при Главлитбеле на общественных началах на протяжении либеральных 1920-х гг. и должна была олицетворять открытый, демократический характер советской цензуры. Про коллегия Главлита вспомнили в середине 1960-х гг. во время компании «возвращения к ленинскому стилю руководства». Про имитационный характер этого решения свидетельствуют задачи, которые ставились перед новой коллегией (подбор кадров, проверка исполнения важнейших приказов, инструкций, заслушивание отчётов отделов), а также её состав (начальник Главлита, его заместитель и старшие цензоры)²⁶.

Постановлением ЦК КПБ и Совета Министров БССР «О мерах по дальнейшему усовершенствованию системы хранения государственных секретов» от 24 января 1977 г. на Главлит БССР было возложено методическое руководство экспертными комиссиями министерств, ведомств, учреждений, организаций и предприятий по вопросам публикации материалов в открытой печати²⁷. Это постановление было вызвано многочисленными жалобами, которыми цензурное ведомство буквально бомбардировало ЦК на протяжении 1975–1977 гг. Возмущение руководства Главлита БССР вызвали многочисленные попытки со стороны руководства министерств, ведомств, учреждений, организаций и предприятий в обход государственных издательств издавать у себя научную, техническую и иную серьёзную литературу под видом методических пособий и реферативных обзоров. Таких изданий, выявленных и запрещённых

²⁵ НАРБ, ф. 4 п, оп. 81, д. 2409, л. 13.

²⁶ НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 86, л. 1.

²⁷ НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 123, л. 1.

цензурой, в БССР за 1975–1977 гг. было 348, причём 17 из них пытались напечатать вообще без визы Главлита²⁸.

Приказом Главлита БССР от 1 марта 1983 г. в его составе был образован совещательный орган – методический совет, куда вошли руководящие работники центрального аппарата. Его основными задачами определялись всесторонний учёт мнений, аргументированное обоснование наиболее сложных с точки зрения практического применения требований «Перечня сведений, запрещённых к публикации в открытой печати, переданных по радио и телевидению» и иных документов Главлита СССР. С 1988 г. на заседаниях методического совета дважды в месяц обсуждались все последние цензорские вычеркивания.

Работа Главлита БССР строилась на основе приказов, инструкций и разъяснений, которые под грифом «Секретно» высылались из Москвы – «Инструкция цензору», «Правила производства и издания произведений», «Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны в учреждениях и на предприятиях СССР», «Инструкция для исполнителя-работника Главлита» и др. Наиболее востребованным цензорским руководящим документом являлся «Перечень сведений, составляющих государственную тайну». Самым важным и одновременно сложным для применения был раздел «Перечня...» под названием «Разные сведения», куда вошли небезопасные с идейно-политической точки зрения материалы, в том числе те, которые «порочили» советский общественный строй, пропагандировали национализм, культивировали насилие и порнографию. Своеобразным приложением к этому разделу был «чёрный список» авторов, чьи произведения ни в коем случае не могли быть напечатаны или выданы читателям библиотек.

Все запреты, размещённые в «Перечне...», можно разделить на безусловные и условные. Первые (например, состав воинских формирований, способы подделки денежных знаков и др.) было запрещено давать в открытой печати вообще. Вторые (в частности, международная информация, быт военнослужащих, массовые заболевания и др.) печатать было разрешено только

²⁸ НАРБ, ф. 4 п, оп. 119, д. 2, л. 14–15.

при наличии письменного разрешения соответствующего министерства или ведомства. Некоторые из них цензурировали авторские материалы более жёстко, чем главлитовские работники, особенно, если нужно было спасти «честь мундира».

Так, например, было с мемуарами про Великую Отечественную войну, которые обязательно рецензировалась в Институте истории партии ЦК КПБ. После введения советских войск в Афганистан (1979 г.), для публикации материалов на эту тему было необходимо разрешение политуправления Белорусского военного округа. Для освещения последствий аварии на Чернобыльской АЭС (1986 г.) – разрешение Госкомитета по использованию атомной энергии. В любом случае получение разрешения было непростым делом, требовало от журналистов много энергии и времени, что часто заставляло автора отказываться от публикации вообще. Все разрешения министерств и ведомств передавались в Главлит, где хранились в специальной справочной службе.

Но на первом месте по значимости находился документ под названием «Единые правила издания открытых произведений печати», который определял общий механизм работы цензуры в СССР. «Единые правила...» регламентировали порядок прохождения рукописей через редакционно-издательские учреждения, полиграфические предприятия и Главлит. В них оговаривались особенности выполнения центральными, областными и районными (там, где не было цензоров Главлита) типографиями заказов военных учреждений, организаций, которые не имели права заниматься издательской деятельностью, а также частных лиц.

Процедура предварительного контроля, которой цензурное ведомство придавала главное значение, выглядела следующим образом. Цензору представлялись подписанные редактором издательства или директором типографии отредактированные оттиски страниц. При их чтении цензор не имел права что-либо вычёркивать или вносить правки. Свои замечания он письменно оформлял на специальном бланке «Вмешательства», где указывались издательское учреждение, точный цензурируемый текст, пункт «Перечня...», под который этот текст подпадал.

После исправления цензорских замечаний редактор (или директор типографии) представлял новые оттиски страниц. Цензор подписывал (ставил дату, литер и разрешительный номер) журнал, газету, книгу к печати, которые далее шли в типографию. Там изготавливали сначала контрольные экземпляры, рассылаемые по списку (в том числе в Главлит, где осуществлялся последующий контроль), после чего печатался весь тираж. Вмешательства предварительной цензуры регулярно обсуждали на занятиях в Главлите БССР. В обобщённом виде они направлялись в Главлит СССР в Москву, республиканскому партийному начальству и в Госкомпечатъ БССР. Если московское руководство использовало сводки вмешательств преимущественно для цензорской учёбы, то партийные идеологи с их помощью проводили профилактическую работу, «воспитывали» редакторов.

Последующий контроль читал все областные и районные газеты в день их получения и только изредка оставлял для чтения на следующий день. Сигнальные экземпляры журналов также читались цензорами в день их получения. Книги читались на протяжении одного–трёх дней до разрешения их выхода в свет. В республиканских газетах целиком читались первые три полосы, четвёртая – выборочно. Областные и районные газеты – каждая пятая читалась целиком, остальные четыре внимательно просматривались. Журналы, брошюры и книги также читались выборочно. Кроме того, цензор последующего контроля прослушивал раз в десять дней все передачи республиканского радиокомитета, раз в две недели просматривал программы передач.

Если последующая цензура разрешала произведение к печати, то его два экземпляра проштамповывались («Выпуск в свет разрешается»), один из них возвращался полиграфпредприятию, второй оставался в Главлите. За идентичность напечатанного текста с его вариантом, разрешённым цензурой, персональную ответственность несли директор типографии и главный редактор издательского учреждения. Если последующая цензура запрещала печать, то разосланные по списку в библиотеки, Книжную палату и т. д. полиграфпроизведения отзывались. И тогда она решала, нужно ли убирать и перепе-

чатывать отдельные страницы или же уничтожить весь тираж. Тиражи утверждённых предварительной цензурой политических плакатов проверялись поштучно представителем полиграфического предприятия вместе с заказчиком²⁹.

Объявленную М. С. Горбачёвым политику «перестройки» идеологическое руководство республики и Главлит БССР поняли по-своему. В декабре 1985 г. по согласованию с ЦК руководители республиканского цензурного ведомства провели крупнейшую за весь период своего существования инструктивно-идеологическую акцию. На совещание-семинар, посвящённый «укреплению идеологической бдительности», были приглашены около 500 чел. – редакторы всех газет, журналов, издательств, БелТА, Гостелерадио, Госкино, а также лица, которые отвечали за печать в министерствах и ведомствах³⁰. Тем не менее, во второй половине 1980-х гг. резко повысился уровень критического отношения к цензуре, деятельность которой в условиях командно-административного режима всегда находилась на острие идеологической борьбы. Главлит оказался в ракурсе острой критики не только со стороны средств массовой информации, но и широкой общественности республики.

После объявления на январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС политики «гласности», СМИ получили больше свободы, поменялись главные редакторы ряда республиканских газет и журналов, начали публиковаться запрещённые ранее литературные произведения, демонстрироваться фильмы «с полком». 4 сентября 1986 г. Главлит СССР издал приказ № 29 с, в котором цензорам было дано указание сконцентрировать внимание на вопросах, связанных с охраной государственных и военных тайн в печати и информировать партийные органы только о серьёзных нарушениях в идеологической сфере. В 1987 г. начался пересмотр содержания спецхранов библиотек. В 1988 г. было прекращено глушение иностранных радиостанций. Начали упраздняться цензорские пункты в издательских учреждениях и СМИ. В БССР первым из них 30 сентября 1988 г. был

²⁹ НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 59, л. 43–66.

³⁰ НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 167, л. 10.

ликвидирован цензорский пункт в минской типографии «Красная звезда»³¹.

10 июня 1988 г. Совет Министров республики принял постановление, которое требовало в рамках новой Генеральной схемы управления народным хозяйством БССР сократить количество сотрудников аппарата Главлита более чем на 40%. Вновь назначенный последний начальник Главлита БССР А. С. Лозовская сразу же начала борьбу за сохранение старого штатного расписания. Она объясняла высшему республиканскому руководству, что подчинённое ей ведомство – это не управленческая структура. Его немногочисленными силами контролировалась вся печатная продукция, которая издавалась в то время в БССР и приходила из-за границы, в том числе 10 издательств, 25 газет, 35 журналов, 36 организаций, имеющих право издательской деятельности, 65 полиграфических предприятий, 710 участков множительной техники, 107 библиотек, 19 книжных магазинов, 28 музеев и выставок. Только цензоры отдела предварительного контроля ежегодно просматривали более 650 тыс. книжных страниц, около 100 тыс. м киноплёнки, 10 тыс. единиц печатных материалов, которые отправлялись по почте за границу. Кроме того, цензорами проводилась «разъяснительная и экспертная работа». Но наиболее значимым аргументом для Совета Министров БССР было то, что кадровые вопросы в союзно-республиканских структурах решались централизованно в Москве. В результате на непродолжительное время Главлит БССР сохранил свои позиции, потеряв только несколько сотрудников пенсионного возраста³².

В связи с принятием в августе 1990 г. закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» на Главлит БССР, реорганизованный в Главное управление по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации при Совете Министров БССР (ГУОТ БССР), были возложены обязанности по разработке нормативных и методических документов в области охраны государственных тайн, консульти-

³¹ НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 190, л. 10.

³² НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 191, л. 4–5.

рование по этим вопросам работников газет, журналов, издательств, радио и телевидения. 19 сентября 1991 г. Главное управление по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации было переподчинено Совету Министров уже независимой Республики Беларусь.

Непосредственный контроль над работой республиканской цензуры и фактическое руководство ею осуществляли высшие партийные органы. Общее управление издательской деятельностью, а также работой СМИ в БССР выполнял секретарь ЦК КПБ по идеологии. Все планы редакционно-издательских учреждений утверждались в отделе пропаганды и агитации ЦК КПБ. Этот отдел также давал разрешение даже на мелкие изменения в планах, утверждал тираж изданий. Его сотрудники разрешали издание агитационных плакатов.

ЦК КПБ уделял особое внимание изданию «классиков марксизма-ленинизма», в том числе на белорусском языке. В случаях, когда приходилось работать с рукописями, которые касались вопросов прошлого республики, цензоры стремились поделить ответственность и обращались за поддержкой к высшему партийному руководству. Близкие отношения ЦК и Главлита проявлялись также в том, что начальник последнего, его заместитель, главы отделов входили в номенклатуру ЦК по отделу агитации и пропаганды. С другой стороны, на руководящие должности Главлита рекрутировались лица, проверенные на партийной или комсомольской работе.

С ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ у Главлита существовали партнёрские отношения. Обе структуры обменивались информацией, рекомендациями, помогали одна другой, как это было, например, при разработке секретного документа под названием «О порядке хранения, библиографирования и выдачи читателям изданий ограниченного распространения». Но между политической цензурой и политической полицией было чёткое разграничение обязанностей: если первая следила за официальными информационными каналами, то вторая – за подпольными. Например, на заседании бюро ЦК КПБ 16 августа 1971 г. констатировалось, что «в последнее время» в ряде городов БССР (Минске, Витебске, Гродно, Бресте, Барановичах, Пинске, Нес-

виже, Иванове) были случаи нелегального распространения «антисоветской» и иной политической литературы, где критиковался опыт «социалистического строительства» в СССР. Речь шла о раскрытом КГБ БССР «самиздате» и «тамиздате», который распространялся среди научных и творческих работников, учащейся молодёжи, а также верующих³³.

Последствием любого цензорского запрета или даже подозрительного отношения могла стать передача авторского текста в КГБ и привлечение автора к ответственности по статьям Уголовного кодекса БССР № 67 («Антисоветская агитация и пропаганда») и № 186 ч. 1 («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй»). Всего по этим статьям с 1956 по 1987 гг. в СССР было осуждено 8145 чел. Среди них – белорусский правозащитник М. И. Кукобака, который за открытое письмо английскому писателю А. Монтегю, написанное в 1969 г. (послание, отправленное автором в «Комсомольскую правду», оказалось в КГБ) получил 6 лет заключения в специальной психиатрической лечебнице по обвинению в «антисоветской деятельности». В общей сложности за написание неподцензурных текстов и распространение самиздатовской литературы М. И. Кукобака провёл в заключении 17 лет.

Белорусские советские писатели также чувствовали пристальное внимание к себе со стороны не только цензоров, но и «литературоведов в штатском». К В. В. Быкову был приставлен полковник КГБ, который вёл с ним «воспитательные беседы». В 1982 г. из квартиры В. С. Короткевича неизвестные выкрали черновики третьей и четвёртой книг романа «Колосья под серпом твоим».

Таким образом, в 1923–1990 гг. происходили процессы институционализации, упрочения иерархических структур, а также расширения сфер деятельности республиканского цензурного ведомства. Созданный в либеральную нэповскую пору советской истории, переживший период сталинских политических репрессий и годы хрущёвской «оттепели», в конце 1960-х гг. Главлит БССР достиг апогея своей деятельности.

³³ НАРБ, ф. 4 п, оп. 81, д. 2358, л. 98.

Можно говорить о формировании в советской Белоруссии к середине 1980-х гг. общества тотальной цензуры, где деятельность Главлита направлялась партийным руководством республики, контролировалась КГБ и дополнялась самоцензурой редакторов, писателей, журналистов, работников культуры и искусства.

Гужаловський О. Головліт БРСР в системі тотального політичного контролю (1923–1990 рр.)

Із залученням широкого кола архівних джерел, періодичних видань, а також робіт сучасних дослідників досліджується функціонування цензурної системи в радянській Білорусії. Показана діяльність Головліту БРСР в структурі інших державних інститутів по політичному контролю білоруського суспільства – ЦК КПБ, ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ, Головреперткому. Всі вони утворювали тотальну цензурну систему, під контролем якої перебували видавництва, ЗМІ, театральне та кіномистецтво, архіви, бібліотеки, а також музеї.

Ключові слова: Головлітбіл, Головліт БРСР, обліт, Головрепертком, ЦК КПБ, Рада Міністрів, політичний контроль.

Guzhalovsky O. BSSR Glavlit system of total political control (1923–1990)

On the basis of wide circle of archival sources, periodicals and contemporary research works, creation and functioning of censoring system in the Soviet Belarus is presented in the article. The author gives an opportunity to a reader to examine Glavlit within the structure of other state institutions on political control of the Soviet Belarusian society – Belarusian Communist Party Central Committee, secret political police and Glavrepertkom. Combined they constituted omniscient censoring system which put under control all the intellectual production in Soviet Belarus – books and periodicals, theatrical plays and musical pieces, archival and museum storages.

Key words: Glavlit, Glavlit BSSR, obllit, Repertoire Committee, the Central Committee of the CPB, the Council of Ministers, political control.